

ВОЛЫНЕЦ Т.Н. (Минск, Белгосуниверситет)

ПРИЧАСТИЕ В ИДИОСТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ

Известно, что «причастие не обнаруживает заметных симпатий ни к одному из стилей» (Головин 1971: 124). Однако в литературно-художественных текстах, представляющих собой особый мир – эстетическую модель действительности, где «слово обычно выступает как элемент эстетического целого, испытывая на себе воздействие не только функциональной, но и авторской семантико-стилистической системы» (Кубрякова 1977: 222), причастные формы заключают в себе информацию о стилистических параметрах текста, его жанровой специфике и авторских интенциях.

Уже общее количество причастных форм и конструкций, отмеченных в идиостиле писателя, оказывается значимой характеристикой: оно свидетельствует о степени эксплицитности/имплицитности и семантической конденсации текста. Чем чаще писатель обращается к причастным формам, тем выше динамиичность и семантическая насыщенность создаваемого им текста, тем сложнее его семантическая структура и «смысловая многогранность» (Б. Ларин).

М. Булгаков, Б. Пастернак и Н. Берберова – писатели, принадлежащие к одному поколению, однако каждый из них обладает своим индивидуальным стилем, в котором предпочтение отдаётся различным языковым средствам и художественным приёмам.

На 500 страницах романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака встречается 2093 синтаксических единиц, осложненных адъективно представленным действием, в то время как в таком же текстологическом пространстве у М. Булгакова (для исследования были выбраны «Театральный роман» и «Мастер и Маргарита») их количество равно 1421, а у Н. Берберовой в тексте мемуаров «Курсив мой» отмечено всего 1057 причастных конструкций и форм.

Стилевой дуализм пастернаковского романа, объединение в нем двух противоположных начал – эпического и поэтического, требует от автора активного использования причастных форм. Написанный по законам поэтической прозы, где главное – движение души, нюансы чувств и переживаний, роман «Доктор Живаго» «берет из поэзии бессюжетность и вместе с тем динамику языка, его насыщенность, густоту и плотность» (Белова 1993: 23-25). В стиле Б. Пастернака, сверхподвижном, сверхживом, «летящем, молниеносном, бесконечном» (Эйдинова 1990: 100), причастия оказываются тем необходимым грамматическим средством, которое, с одной стороны, обеспечива-

ет «смысловую многорядность» и «размытость» содержания, а с другой – модифицирует и уплотняет семантическое пространство текста.

М. Булгаков, сочетая в своих уникальных по жанру, фантасмагорических произведениях смешное и серьезное, философию и сатиру, пародию и волшебную инфернальную фантастику, карнавализацию действительности и скрупулезную историческую достоверность (Соколов 1996: 308), явно отдает предпочтение предикативной репрезентации действия, исключающей двусмысленность понимания и неопределенность восприятия. Свои коммуникативные установки автор реализует с помощью других языковых средств и достигает семантической осложнённости и смысловой многогипотики текста без активного использования причастных форм. Кроме того, романы М. Булгакова отличаются высокой степенью диалогичности, что тоже не способствует включению причастных форм в текст; при построении диалога обычно используются неосложнённые по своей структуре конструкции, свойственные разговорной речи, в которой причастия практически не употребляются.

У Н. Берберовой невысокая частотность использования причастных форм объясняется не столько спецификой ее стиля, сколько особенностями жанра мемуаров. Фактографичность, описательность и документальность как основные, устойчивые черты мемуарного жанра не требуют от автора ни высокой имплицитности содержания, ни множественной интерпретационности текста. Язык мемуаров должен быть прозрачен, причастие как семантический конденсатор информационного пространства, нередко допускающий неопределенное (непрозрачное) прочтение определяемых имен, в нем часто оказывается лишним, поэтому Н. Берберова обращается к причастным формам реже, чем Б. Пастернак и М. Булгаков.

Информационно значимыми характеристиками при выявлении специфики идиостиля писателя являются также: а) количественное соотношение действительных и страдательных причастий, используемых автором в процессе построения текста; б) характер категориального содержания причастных форм, его устойчивость/неустойчивость в рамках контекстуального окружения. Сравните:

Авторы	Группы причастных форм			
	Действительные причастия		страдательные причастия	
	Наст. вр.	Прош. вр.	наст. вр.	прош. вр.
Б. Пастернак	483 (23,1%*)	903 (43,1%)	42 (2%)	665 (31,8%)
М. Булгаков	468 (32,9%)	426 (30%)	55 (3,9%)	472 (33,2%)
Н. Берберова	263 (24,9%)	387 (36,6%)	22 (2,1%)	385 (36,4%)

Примечание к таблице:

*Процентное соотношение определено относительно общего количества форм, использованных автором.

Как видно из таблицы, доминирующее положение среди причастных форм, использованных Б. Пастернаком, занимают действительные причастия прошедшего времени – их удельный вес составляет около 43,1% относительно общего количества всех причастных форм, употребленных автором. Много действительных причастий прошедшего времени и в тексте мемуаров Н. Берберовой -- 36,6%. У обоих авторов они включаются как в повествовательные, так и описательные пласти изложения, используются как грамматическое средство для расширения основных предикативных линий. Участвуя в организации контекстов с временной перспективой, устремленной в прошлое, действительные причастия прошедшего времени реализуют в основном свои прямые системные значения.

*В форточку ворвался свежий воздух. **Колыхнувшаяся** оконная занавесь взвилась вверх* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → *В форточку ворвался свежий воздух. Оконная занавесь **колыхнулась** и взвилась вверх.* -- Причастие **колыхнувшаяся** заключает в себе сообщение, смежное по своей семантике с основными действиями: оно следует за первым действием (*ворвался*) и предшествует второму действию (*взвилась*), поэтому в рамках данного контекста оно реализует своё категориальное содержание.

*В тот день у меня собирались несколько человек, вторую комнату, **заледеневшую** за зиму, отперли, истопили, прибрали* (Н. Берберова. Курсив мой). → *В тот день у меня собирались несколько человек, вторую комнату, которая **заледенела** за зиму, отперли, истопили, прибрали.* – Предикативные (*собрались, отперли, истопили, прибрали*) и атрибутивное (*заледеневшую*) действия противопоставлены друг другу по смыслу как аористические и перфектное. Причастная форма используется для описания-характеристики по обычному, типичному действию и на фоне основных предикатов, сохраняет свое перфектно-результативное значение.

Описывая «истории, которые не развиваются, а просто делятся» (Альтшуллер 1968: 6), М. Булгаков тоже обычно использует предикаты, временное значение которых грамматически оформляет отнесенность событий к плану прошедшего времени. Однако, в отличие от Б. Пастернака и Н. Берберовой, М. Булгаков рядом с действительными причастиями прошедшего времени (которые естественно вписываются во временное пространство текста) активно использует и действительные причастия настоящего времени: процентное

соотношение их в булгаковских текстах -- 30% и 32,9% соответственно. Объясняется это, видимо, спецификой временного континуума автора. Говоря о времени в романах М. Булгакова, исследователи его творчества обычно отмечают «неподвижность движения», константность и длительность временных характеристик (Баранов 1973: 121–122). Прошлое и настоящее для писателя – «это одно и то же, единая субстанция, переливающаяся из одного состояния в другое по тысячам каналов..» (Гаспаров 1988: 97). Недискретность повествования весьма своеобразно преломляется в языковой структуре булгаковских романов. Ориентируясь на такое свойство причастий, как условность и диффузность их лексико-грамматического содержания (Волынец 1998), автор смело включает формы действительных причастий настоящего времени в контексты, временной фон которых формируется предикативными формами со значением прошедшего времени, и при этом в полной мере использует художественно-изобразительные функции причастных форм. С их помощью создаются живые картины или сцены, происходящие как бы перед глазами автора и читателя, и потому события, о которых идет речь, воспринимаются острее, так, словно вы являетесь непосредственным их участником.

Дамы, смеясь, сбрасывали туфли, отдавали свои сумочки своим кавалерам или неграм, бегающим с простынями в руках, и с криком ласточкой бросались в бассейн (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Шепча какие-то бессмысленные проклятия жизни, я шел, глядя на фонари, тускло горящие в сетке дождя (М. Булгаков. Театральный роман).

Противопоставление атрибутивно представленных действий (*бегающим, горящие*) предикативным (*сбрасывали, отдавали, бросались, шёл*) оказывается значимым в рамках данных контекстов: действительные причастия настоящего времени приближают описываемую ситуацию к читателю, делают ее выпуклой и осозаемой. Эффект «живой картины» тут же исчезает, как только вы замените причастия предикативными формами глаголов -- **Дамы, смеясь, сбрасывали туфли, отдавали свои сумочки своим кавалерам или неграм, которые бегали с простынями в руках, и с криком ласточкой бросались в бассейн; Шепча какие-то бессмысленные проклятия жизни, я шел, глядя на фонари, которые тускло горели в сетке дождя*

Б. Пастернак, и Н. Берберова обращаются к формам действительных причастий настоящего времени реже, чем М. Булгаков (ср.: 23,1%, 24,9% и 32,1% соответственно), но включают их в описательно-характеризующие контексты с различной временной ориентацией, в рамках которых причастия заключают в себе нелокализованный во времени, относительно постоянный процессуальный признак, который воспринимается как отличительное свойст-

во предмета и на уровне предикативной репрезентации действия выражается глагольными формами со значением настоящего неактуального (постоянного, расширенного или настоящего абстрактного) действия.

*Сейчас вы представите записку Наркомпроса или Наркомздрава, рекомендующую вас как «вполне советского человека», как «сочувствующего» и удостоверяющую вашу «лояльность» (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → Сейчас вы представите записку Наркомпроса или Наркомздрава, которая рекомендует вас как «вполне советского человека», как «сочувствующего» и удостоверяет вашу «лояльность». Участвуя в описании-характеристике денотата, причастия (рекомендующую, удостоверяющую) представляют его качества как неотъемлемые, постоянные признаки, сохраняющиеся во времени и не зависящие от временной тональности контекста. В результате при общей обращенности ситуации в план будущего времени (*вы представите...*) в причастной пропозиции признак-действие характеризуется с точки зрения его протекания в настоящем времени.*

То, что можно платить смертью за жизнь, есть предрассудок, апеллирующий к чувствительности чувствительных людей (Н. Берберова. Курсив мой). → То, что можно платить смертью за жизнь, есть предрассудок, который апеллирует к чувствительности чувствительных людей.

Основное коммуникативное назначение данной конструкции – дать классификационную оценку денотату, причастная форма в этой ситуации используется как средство для составной номинации-характеристики субъекта, который существовал, существует и будет существовать в пространстве, поэтому причастие сохраняет свои грамматические характеристики.

Страдательные причастия прошедшего времени активнее всех включает в свой текст Н. Берберова, их удельный вес в общем количестве причастных форм, использованных писательницей, -- 36,4%. В булгаковском тексте на их долю приходится 33,2%, а в пастернаковском -- 31,8%.

Практически все интересующие нас авторы обычно используют формы страдательных причастий прошедшего времени в ситуации залогового противопоставления, где они являются практически единственным средством для выражения страдательного характера субъектно-объектных отношений при действии, признак которого обозначается причастной формой, так как соответствующий возвратный глагол либо не имеет в своей семантической структуре значения страдательного залога, либо ограничен в употреблении. В результате категориальное содержание страдательных причастий прошедшего времени, использованных в текстах романов «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита», «Театральный роман» и мемуаров «Курсив мой» чаще всего со-

относится с лексико-грамматическим значением предикативных форм непосредственно образующих причастия глаголов.

Совсем в другом, отдаленном районе стоял дом, пожертвованный городу отцом Анфима, Ефимом Самдеятым (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → Совсем в другом, отдаленном районе стоял дом, который пожертвовал городу отец Анфима, Ефим Самдеятов.

.. он быстро пришел в себя, взял принесенные мною два экземпляра договора, вынул самопишущее перо, подписал, не читая почти (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → .. он быстро пришел в себя, взял два экземпляра договора, которые принес я, вынул самопишущее перо, подписал, не читая почти.

Был ли Горький убит нанятыми Сталиным палачами или умер от воспаления лёгких – сейчас на этот вопрос ответа нет (Н. Берберова. Курсив мой). → Был ли Горький убит палачами, которых нанял Stalin, или умер от воспаления лёгких – сейчас на этот вопрос ответа нет.

Коммуникативные ситуации, допускающие оформление пассивного значения как причастиями, так и предикативными формами возвратных глаголов, в большей степени характерны для идиостиля Н. Берберовой (у Б. Пастернака их количество незначительно, у М. Булгакова они отсутствуют вообще).

Шесть человек, упомянутые Горьким, были ликвидированы в тридцатых годах (Н. Берберова. Курсив мой). → Шесть человек, которых упомянул Горький (которые упоминались Горьким), были ликвидированы в тридцатых годах. – Ситуация, обозначенная страдательным причастием прошедшего времени упомянутые, может быть определена как страдательная (пассивная), поэтому лексико-грамматическое содержание причастной формы оказывается ориентированным на лексическую и грамматическую семантику двух глагольных лексем (упомянуть и упоминаться в страд. зн.).

Активнее всех манипулирует с категориальным содержанием страдательных причастий прошедшего времени Б. Пастернак: в тексте романа «Доктор Живаго» нами были отмечены формы страдательных причастий прошедшего времени, лексико-грамматическое содержание которых соответствовало значению следующих предикативных форм: освоенный → освоит, освоил бы, осваивал, осваивает, осваивал/осваивает, осваивал бы, освоил/осваивал, освоился, осваивался, страд., осваивался, нестрад, осваивается, нестрад., освоил/освоился, освоил/осваивался, страд., освоил/осваивался, нестрад., осваивал/осваивался, страд., осваивал/осваивался, нестрад., освоился/осваивался, освоил/осваивал/осваивался, страд.

Вдали по равнине справа налево катился чистенький желто-синий поезд, сильно уменьшенный расстоянием (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → Вдали

по равнине справа налево катился чистенький желто-синий поезд. Расстояние сильно уменьшало (его).

Лексико-грамматическое содержание причастной формы *уменьшенный* соотносится с лексико-грамматическим содержанием предикативной формы глагола *уменьшать*, поскольку в контексте отражается ситуация обобщенно-фактического действия, характерная для глаголов несовершенного вида. Внимание автора привлекает не характеристика процесса протекания действия (единичность или повторяемость, ограниченность или неограниченность его пределом), а сам факт протекания действия, поэтому глагольные и причастные формы, использованные в данном контексте, оказываются ориентированными на самое общее упоминание о действии, простое называние его без указания на характер осуществления.

*Шапка ее волос, в беспорядке разметанная по подушке, дымом своей красоты ела Комаровскому глаза и проникала в душу (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → Шапка ее волос в беспорядке разметалась по подушке и дымом своей красоты ела Комаровскому глаза, проникала в душу. -- Страдательное причастие прошедшего времени *разметанная* обозначает признак действия, сфокусированного относительно семантического субъекта (*шапка волос*), отсюда деактуализация залогового значения причастия и семантическая соотносительность с одним из значений возвратных глаголов *разметаться* – ‘небрежно, беспорядочно рассыпаться (о волосах)’.*

Модификация категориального содержания страдательных причастий прошедшего времени – явление, характерное и для идиостиля Н. Берберовой. В отличие от Б. Пастернака, писательница не употребляет формы причастий данной группы в контекстах с ирреальной модальностью (*освоенный* → *освоил бы, осваивал бы*) с предикатами, устремлёнными в будущее время (*освоенный* → *освоит*), в позиции семантической нейтрализации видо-временных и залоговых значений (*освоенный* → *осваивал/осваивает*), но по сравнению с текстом романов М. Булгакова, вторичные (контекстуально обусловленные) значения у страдательных причастий прошедшего времени, использованных в мемуарах «Курсив мой», отмечаются чаще. Соотношения типа *освоенный* → *осваивался*, в страд. зн.; *осваивается*, в нестрад. зн.; *освоился/осваивался* нередко возникают при трансформационном переводе адъективной репрезентации действия в предикативную у Н. Берберовой, но практически не встречаются у М. Булгакова.

В идиостиле М. Булгакова лексико-грамматическое содержание форм страдательных причастий прошедшего времени отличается относительной устойчивостью. Семантический объем и грамматические характеристики дан-

ной группы причастных форм в текстах романов М. Булгакова чаще всего соотносятся с лексическими и грамматическими параметрами следующих предикативных форм глаголов: *освоенный* → *освоил*, *освоился*, *освоил/освоился*, *осваивал*, *осваивает*, *освоил/осваивал*, *осваивался*, нестрад., *осваивал/осваивался*, страд., *осваивал/осваивался*, нестрад., *освоил/осваивал/осваивался*, страд. Модификация лексико-грамматического содержания страдательных причастий прошедшего времени в булгаковских текстах обычно обусловлена тем, что писатель включает причастные формы в контекст, или не препятствующий нейтрализации видового значения, или требующий представления действия, заключенного в причастной пропозиции в форме глагола несовершенного вида.

Иван Николаевич всегда застает этого обитателя особняка в одной и той же мечтательной позе, со взором, обращенным к луне (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → *Иван Николаевич всегда застает этого обитателя особняка в одной и той же мечтательной позе, со взором, который (тот) обращает к луне*. – В данном примере страдательное причастие *обращённым* является единственным грамматическим средством, способным выразить ситуацию залогового противопоставления: при использовании форм возвратного глагола в страд. зн. конструкция приобретает неестественный и двусмысленный характер – **Иван Николаевич всегда застает этого обитателя особняка в одной и той же мечтательной позе, со взором, который обращается к луне*. Однако в контексте с общим значением постоянного отношения лексико-грамматическое содержание причастия *обращенным* видоизменяется и оказывается соотносительным с предикативной формой глагола *обращать*.

Из-под простреленной подушки вытащили семерку. Намеченное Маргаритой очко было пробито (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → *Из-под простреленной подушки вытащили семерку. Очко, которое наметила/намечала Маргарита, было пробито*. – В данном случае процессуальный признак, обозначаемый причастной формой, оказывается в позиции семантической нейтрализации категории вида. Ситуация, заложенная в причастной пропозиции, может быть представлена и как ситуация единичного конкретно-фактического действия, характерная для употребления предикативных форм глаголов совершенного вида, и как ситуация обобщенного факта, обычно выражаемая предикативными формами глаголов несовершенного вида, отсюда вариативный (неопределённый) характер категориального содержания причастия: *намеченное* → *наметила/намечала*.

Отмеченные нами различия в реализации первичных и вторичных значений форм страдательных причастий прошедшего времени в текстах романов

Б. Пастернака и М. Булгакова и мемуаров «Курсив мой» являются зеркальным отражением особенностей авторских стилистических систем. Размытость (а часто и неопределенность) лексико-грамматического содержания страдательных причастий прошедшего времени у Б. Пастернака и Н. Берберовой объясняется, прежде всего тем, что данные авторы либо вплетают причастные формы в ткань повествования в качестве не самостоятельных, а структурно и грамматически ориентированных компонентов текста, либо создают с их помощью контексты не фактуального, а обобщенно-абстрактного или описательного характера, т.е. контексты, не препятствующие нейтрализации видового и залогового значения причастных форм. В результате под влиянием коммуникативных условий в лексико-грамматической структуре причастий актуализируются вторичные (контекстуально обусловленные) значения.

Что же касается страдательных причастий настоящего времени, которые в системе причастных форм занимают далеко не центральное место, то при относительной редкости их употребления они все-таки чаще встречаются у М. Булгакова. Нами отмечено всего 22 (2,1% от 1057) страдательных причастия настоящего времени в тексте мемуаров «Курсив мой», 42 (2% от 2093) -- в тексте романа «Доктор Живаго» и 55 (3,9% от 1421) соответствующих причастных форм в текстах романов «Мастер и Маргарита» и «Театральный роман».

Все интересующие нас авторы активно включают формы страдательных причастий настоящего времени в коммуникативные ситуации залогового противопоставления, но при этом используют и художественно-изобразительные функции причастных форм.

-- *Не могу же я сразу и читать и слушать*, -- прерывал зятя Александр Александрович, ошибочно относя к себе монолог, *произносимый Юрием Андреевичем себе под нос* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → -- *Не могу же я сразу и читать и слушать*, -- прерывал зятя Александр Александрович, ошибочно относя к себе монолог, который *произносил Юрий Андреевич себе под нос*.

.. *солнце вернулось в Ершалаим и, прежде чем уйти и утонуть в Средиземном море, посыпало лучи ненавидимому прокуратором городу и золотило ступени балкона* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → .. *солнце вернулось в Ершалаим и, прежде чем уйти и утонуть в Средиземном море, посыпало лучи городу, который (так) ненавидел прокуратор, и золотило ступени балкона*.

Некоторые двери были едва притворены, и из-за них доносились звуки: крики, ругань, пьяные всхлипы, детский плач, визг избиваемой собаки (Н. Берберова. Курсив мой). → *Некоторые двери были едва притворены, и из-за них*

доносились звуки: крики, ругань, пьяные всхлипы, детский плач, визг собаки, которую (кто-то) избивал.

С одной стороны, причастные формы *произносимый*, *ненавидимый* и *избиваемый* используются для выражения залогового противопоставления. Они указывают на страдательный характер субъектно-объектных отношений при дополнительной (матричной) сказуемости (соответствующие возвратные глаголы либо не отмечены в языковой системе (**ненавидеться*), либо ограничены в своем употреблении (*произноситься, избиваться*)). С другой – причастные формы *произносимый*, *ненавидимый* и *избиваемый* участвуют в создании эффекта «непосредственного участия» читателя в описываемой ситуации.

Лексико-грамматическое содержание страдательных причастий настоящего времени активнее изменяется опять-таки в идиостиле Б. Пастернака. В текстах романов М.Булгакова и мемуаров Н.Берберовой семантический объем и грамматические характеристики страдательных причастий настоящего времени варьируются в зависимости от контекстуальных условий на уровне всего лишь 7 типов трансформов (*осваиваемый → осваивает, осваивал, осваивается, страд., осваивался, нестрад., осваивает/осваивается, страд., осваивал/осваивался, страд., осваивал/осваивался, нестрад.*), в то время как в тексте романа «Доктор Живаго» значение страдательных причастий настоящего времени формируется на базе нескольких однокоренных глагольных лексем и коррелирует со значением 13 типовых трансформов, среди которых отмеченные только у Б. Пастернака *осваиваемый → можно/нельзя освоить, можно осваивать/можно освоить, осваивается, нестрад., осваивался, страд., осваивался бы, нестрад., осваивает/осваивается, нестрад., осваивал/осваивался, страд.*

Характеризующие функции при определении своеобразия авторского идиостиля выполняет также количественное соотношение причастных форм, способных и не способных замещаться предикативными формами глаголов в рамках созданного писателем текста.

Трансформационная «развернутость» причастий в сторону предикативных форм глагола или «замкнутость» на себе, по нашим наблюдениям, в значительной степени определяется творческой манерой и pragматическими целями автора. Чем выше описательность, образность и художественность текста, тем ниже трансформационные возможности причастных форм, поскольку они чаще употребляются в сильной атрибутивной позиции. И наоборот, чем динамичнее развиваются события в тексте, тем активнее используются причастия в сильной предикативной и независимой семантической позиции, тем легче преобразуются они в предикативные формы глаголов.

Количественное соотношение трансформируемых и нетрансформируемых причастий в идиостилях интересующих нас писателей свидетельствует о

том, что трансформационные возможности причастных форм чаще реализуются при анализе текстов Н. Берберовой и М. Булгакова.

Сравните:

Автор	Причастие = предикативная форма глагола	Причастие ≠ предикативная форма глагола
Б. Пастернак	1439 (69,8%)	654 (31,2%)
М. Булгаков	1119 (79,6 %)	302 (21,4%)
Н. Берберова	856 (80,9%)	201 (19,1%)

Н. Берберова и М. Булгаков в полной мере используют способность причастий организовывать самостоятельный предикативный центр с относительно самостоятельным информационным содержанием, поэтому практически каждые четыре причастные формы из пяти, встречающихся у данных авторов, свободно замещаются предикативными формами глаголов.

Интересно, что количество нетрансформируемых причастных форм в тексте мемуаров Н. Берберовой и в текстах романов М. Булгакова в процентном отношении отличается весьма незначительно. Это объясняется, видимо, тем, что жизнь вела Н. Берберову в литературу через поэзию, отсюда слишком художественный для мемуарного произведения стиль автора. А. Ахматова однажды заметила: «Какой-то непроявленный жанр – мемуары». «Непроявленный, то есть ускользающий, не имеющий твёрдых границ и правил... Жанр, где не ясно, что перевесит: литературное мастерство, грозящее обернуться беллетристическим приёмом поднаторелого мемуариста или же литературная неискушённость непредвзятого свидетеля» (Шайтанов 1979: 52 – 53). В мемуарах «Курсив мой», думается, все же перевесило литературное мастерство автора, его поэтическое мироощущение. В авторском «я» объединились беспристрастный наблюдатель и остро чувствующий действительность человек, поэтому мемуарам Н. Берберовой свойственны и образность, и метафоричность, что, естественно, способствует атрибутивному использованию причастных форм и сужению их трансформационных возможностей в той же степени, которая отмечается в булгаковском художественном тексте.

Б. Пастернак тоже изначально поэт. По мнению В.В. Эйдиновой, его поэтика организуется сложным структурно-стилевым принципом, суть которого «связь-движение», динамическая связь, складывающаяся как действие, что совершается на наших глазах. Описывая своих героев, «он схватывает окружающее на ходу, взором человека пути, видящим предметы сдвинутыми с места, смешёнными и тем самым – входящими в новые, неожиданные связи» (Эйдинова 1990: 98). Именно этим, видимо, объясняется то, что Б. Пастернак (в отличие от М. Булгакова и Н. Берберовой) активнее вводит причастные

формы в синтаксические позиции, актуализирующие определительные функции причастий и нейтрализующие их полупредикативность. Особенно интенсивно в чисто атрибутивной функции автор использует формы действительных причастий настоящего времени и формы страдательных причастий прошедшего времени. В среднем же в тексте романа «Доктор Живаго» встречается около 31,2% нетрансформирующихся причастных форм, сохраняющих процессуальную семантику и грамматические характеристики образующего глагола, в то время как в булгаковских текстах их количество достигает 24,1%, а в мемуарах Н. Берберовой – 19,1%.

Синтаксические позиции атрибутивного употребления (см. об этом: Волынец 1998: 24 -- 32) причастий в текстах Н. Берберовой, М. Булгакова и Б. Пастернака в принципе совпадают, однако у каждого из авторов есть свои любимые способы и приемы актуализации атрибутивных свойств причастных форм Так, Б. Пастернак, стиль которого в основе своей импрессионистичен (Асмус 1990:20) и характеризуется мазками и точками, намеками и полутонаами, «поточноностью», «сцепленностью», прихотливой связью метафор и аналогий, явно отдает предпочтение одиночным причастным формам, семантика которых ориентирована не столько на представление действий лица или предмета, сколько на описание и оценку состояния. Большинство из них автор использует (как самостоятельно, так и в смешанном ряду определительных форм) для характеристики и оценки деталей внешнего облика, психического и физического состояния человека и внутренних свойств предметов (*пылающая рука, вечереющие поля, холодащий снежок, (неслышно) ступающие тени, помолодевшее лицо, промерзшие стружки, притихшая квартира, разбежавшийся поезд, изображаемое явление, обмотанная голова, раздвинутые двери, закатанная по локоть рубашка, обсаженная березами дорога, гладко зачесанные волосы...*), т.е. для выражения чисто атрибутивных значений (стативных, как определяет их И.К. Сazonova) и отношений.

Стативные значения причастных форм не выходят за рамки глагольной семантической зоны (Сазонова 1989: 10), но нацеливают на преимущественно адъективное использование причастий, ослабляя их предикативные свойства и характеристики даже при наличии зависимых компонентов. Ср.: *В комнату вошла девочка лет восеми. Узко разрезанные, уголками врозь поставленные глаза придавали ей шаловливый и лукавый вид* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → Трансформация причастий *разрезанные, поставленные* невозможна, так как обозначаются не процессуальные, а стативные (оценочно-характеризующие) признаки.

У М. Булгакова атрибутивные функции причастных форм чаще всего усиливаются при семантическом объединении причастия с определяемым словом и образовании «семантически единых, а часто и синтаксически нечленимых определительно-предметных номинаций» (Чернов 1973: 83,86). Это могут быть самые неожиданные соединения лексем – признака с его носителем, -- результат же получается один: создается цельный единый образ, слитное «представление», благодаря которому трансформационные возможности причастных форм практически сводятся к нулю, поскольку причастие оказывается единственным возможным средством для отражения в семантической и грамматической структуре текста заданного коммуникативной ситуацией содержания.

.. некоторое время [Понтий Пилат] молчал, мучительно вспоминая, зачем на утреннем безжалостном еришалаимском солнцепеке стоит перед ним арестант с обезображенными побоями лицом (М.Булгаков. Мастер и Маргарита). → Трансформация причастной формы *обезображенными* невозможна, так как в структуре предложения она занимает семантически и синтаксически связанную позиции: используется автором как компонент семантически и синтаксически нечленимой конструкции (*арестант с обезображенными побоями лицом*) для характеристики весьма существенной (и потому обязательной) детали внешнего вида человека.

Сам он в такой же повязке, но не смоченной, а сухой, расхаживал невдалеке от группы палачей (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → Трансформация причастной формы *смоченной* невозможна, поскольку компоненты определительного ряда (*..не смоченной, а сухой..*) семантически дополняют друг друга – суть характеристики предмета заключается как раз в противопоставлении двух признаков, непроцессуального и процессуального.

Для Н. Берберовой весьма характерным является использование причастий в функции препозитивных определений при субстантивах с постпозитивным дополнением или несогласованным определением. В этом случае трансформационные возможности причастных форм сводятся к нулю из-за стилистической двусмысленности конструкции-трансформа, возникающей в результате включенности в действие, обозначенное предикативной формой-трансформом, как собственно определяемого предмета, так и его атрибута.

И в Мережковском, и в Ремизове чувствовалась скрываемая ими страшной силы тоска по России (Н. Берберова. Курсив мой) → * *И в Мережковском, и в Ремизове чувствовалась страшной силы тоска по России, которую они тщательно скрывали* (что скрывали – тоску или Россию?).

Интересно, что стилистически связанное употребление причастий нередко встречается и в булгаковских текстах, например: *Маргарита увидела лежащую на полу перед нею полоску света под какою-то темною дверью* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → * *Маргарита увидела полоску света под какою-то темною дверью, которая лежала на полу перед нею* (что лежала – полоска света или дверь?). *В кабинете мирно висели никем не поврежденные сургучные печати на шкафах* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → * *В кабинете мирно висели сургучные печати на шкафах, которые никто не повредил* (что не повредил – шкафы или печати?). Однако, в отличие от М. Булгакова, Н. Берберова активно использует ещё одну синтаксическую позицию, в которой трансформационные возможности причастий сводятся к нулю: она вводит причастия в состав информативно нечленимых неглагольных сказуемых.

И оба мы вышли из этого поединка потерпевшими, потерявшими друг друга (Н. Берберова. Курсив мой) → Трансформация причастных форм *потерпевшими, потерявшими* невозможна, препятствует этому специфическое семантическое единство компонентов неглагольного сказуемого. Употребляясь при предикативной форме глагола, причастие обеспечивает передачу дополнительной информации, необходимой для создания образа, и является обязательным элементом, не вычленяемым из семантического пространства предикативного центра.

Итак, причастие как грамматическое средство, сознательно выбираемое автором при построении текста, содержит в себе определенную информацию о творческой манере и особенностях идиостиля писателя, его коммуникативных установках и прагматических целях. Обладая гибкой лексической и грамматической семантикой, способной приспосабливаться к различным коммуникативным условиям, причастные формы позволяют авторам усложнять семантическое пространство текста, усиливать его атрибутивность или расширять в нем действие вторичной предикативностью, зашифровывать информацию, писать приглушенными полутонаами, размывая и делая неопределенной характеристику определяемого процессуальным признаком имени. Обращение автора к причастным формам всегда значимо, потому что в них отражается художественное мировосприятие автора. И чем оно индивидуальнее, чем сложнее выражаемое в произведении содержание, тем шире функциональные возможности причастий и модус их семантического и грамматического наполнения.

ИСТОЧНИКИ

Берберова Н. Н. Курсив мой. – М.: Согласие, 1996. – 735 с.

Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита:Романы. – М.: Худож. лит., 1988. – 750 с.

Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 17 – 535.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтшулер А. Булгаков-прозаик // Литературная газета. – 7 февр. 1968.
- Асмус В.Ф. Творческая эстетика Б.Пастернака // Пастернак Б.Л. Об искусстве. – М.: Искусство, 1990. – С.8 – 35.
- Баранов В. Время – мысль – образ. – Горький, 1973. – 231 с.
- Белова Т.Н. Роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» в англоязычных исследованиях // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1993. -- № 6. – С.15 – 26.
- Волынец Т.Н. Грамматический феномен причастия. – Мн., 1998. – 138 с.
- Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. – 1988. -- № 10. – С. 96 – 106.
- Головин Б.Н. Язык и статистика. – М.: Наука, 1971. – 190 с.
- Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. -- С. 220 – 242.
- Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 588 с.
- Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. – М.: Локид -- Миф, 1996. – 592 с.
- Шайтанов И. «Непроявленный жанр», или литературные заметки о мемуарной форме//Вопросы литературы. – 1979. -- № 2. – С. 50 – 77.
- Чернов В.И. О функциональном аспекте лексико-грамматической классификации имён прилагательных // Русский язык в школе. – 1973. -- № 5. – С.82 – 87.
- Эйдинова В.В. О стиле Б.Пастернака // Пастернаковские чтения. – Пермь: ПГУ, 1990. – С. 96 – 102.

Напечатано: Волынец Т.Н. Причастие в идиостиле писателя // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2001 г. – С. 302 – 320.